

СЕМИОТИКА И ПОЭТИКА ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА

УДК 82:81'37:811.13

СЕМАНТИЧЕСКИЙ ПРЕДИКАТ В СТРУКТУРЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА

Л.Г. Кульчицкая

Кафедра теории и практики русского языка
Факультет русской и славянской филологии
Киргизский национальный университет им. Ж. Баласагына
ул. Турусбекова, 49/49, Бишкек, Кыргызстан, 720033

На материале художественного текста – романа И.А. Гончарова «Обломов» рассматривается формирование такой оппозиции, как «активность/пассивность субъекта». Прагматическая установка художественного произведения создается противопоставлением разных типов семантических предикатов, например, выраженных акциональными и статуальными глаголами.

Ключевые слова: художественный текст, художественный образ, субъективная модальность текста, прагматическая установка, семантический субъект, семантический предикат, акциональные и статуальные глаголы.

Категория семантического предиката с точки зрения способов его выражения в романе И.А. Гончарова «Обломов» выступает в качестве одного из средств формирования художественного образа, выражения субъективной модальности как текстовой категории. Благодаря этой семантической категории выявляется прагматическая установка текста как воздействие на читателя.

Анализируя фрагменты текста, в которых описаны основные персонажи романа — Обломов и Штольц, обратим внимание на типологию предикатов, используемых для их характеристики. Естественно, что в рамках художественного текста будут представлены (хотя бы в единичных вариантах) почти все 10 типов предикатов, выявленных еще в период античности Аристотелем [4. С. 121]. Но как раз количественная характеристика типов предикатов и помогает выявить индивидуальное в образе обоих персонажей.

Ключевой фразой для понимания образа Штольца является предложение, в котором совмещаются предикаты со значением качества и действия, например:

Он беспрестанно в движении: работает, ездит в свет, читает: когда он успеет — бог весть! [1. С. 142].

Штольц ровесник Обломову; и ему уже за тридцать лет. Он служил, вышел в отставку, занялся своими делами, нажил дом и деньги [1. С. 142].

Для каждой предикативной части высказывания характерен определенный тип предиката. В примере «*Штольц ровесник Обломову ...*» реляционный предикат выражен составным именным сказуемым с существительным *ровесник*. В следующей предикативной части «*Ему тоже за тридцать*» в качестве субъекта выступает словоформа *ему*, при которой используется квантитативный предикат со значением количественного признака. Далее следуют акциональные глаголы, адресующие действие в план синтаксического прошедшего времени.

Анализ глагола как части речи в плане семантики дан в «Коммуникативной грамматике русского языка» Г.А. Золотовой, Н.К. Онипенко, М.Ю. Сидоровой [2].

Наиболее полно выражая категориальное значение предиката, акциональные глаголы представлены несколькими семантическими рядами: глаголами конкретного физического действия, например: *мыть, чистить, копать, бить, варить, резать, шить, писать, косить, белить, пилить, стучать* и под.; глаголами перемещения, движения, моторно-кратного и моторно-некратного: *ходить, идти, бегать, бежать, летать, лететь, плыть, шагать, ехать, мчаться* и т.д. Акциональными являются глаголы речевого действия, как то: *говорить, рассказывать, сообщать, спрашивать, отвечать, докладывать, возражать, поддакивать, шептать, лепетать, бормотать, браниться, объясняться, признаться, перекрикивать* и др.; глаголы донативного действия, изменяющего_посессивные отношения: *давать, брать, вручать, получать, принимать, посылать, дарить, продавать, покупать, приобретать, наделять, обмениваться, делиться* и др. Действия, обозначаемые глаголами этих групп, имеют межличностный, интересубъектный характер, что особенно ощутимо в глаголах с аффиксом *-ся*. Сюда же примыкают глаголы более сложной семантики — социальных интересубъектных действий: *играть с кем, ссориться, мириться, воевать, советоваться, сражаться, судиться, голосовать, разводиться, здороваться, прощаться* и др. [2. С. 60—61].

Авторы коммуникативной грамматики отмечают такие признаки акциональных глаголов, как активность и целенаправленность действия, совершаемого, как правило, лицом или живым существом, а также потенциальная наблюдаемость и способность к конкретно-временной локализации.

Образ Штольца рисуется И.А. Гончаровым при помощи акциональных глаголов со значением конкретного физического действия, передвижения, речевого действия и некоторых других. Обратимся к примерам:

Когда он подросток, отец сажал его с собой на рессорную тележку, давал возжжи и велел везти на фабрику...

Четырнадцати-пятнадцати лет мальчик отправлялся частенько один, в тележке или верхом, с сумкой у седла, с поручениями от отца в город, и никогда не случалось, чтобы он забыл что-нибудь, переиначил, не доглядел, дал промах [1. С. 137].

Оторвавшись от указки, бежал разорять птичьи гнезда с мальчишками...

Он начнет рассказывать так бойко, так живо, что живо рассмешишь ее [1. С. 135—136].

В селе Вехлеве, где отец его был управляющим, Штольц вырос и воспитывался. С восьми лет он сидел с отцом за географической картой, разбирал по складам Геггера, библейские стихи и подводил итоги безграмотным счетам крестьян, мещан и фабричных, а с матерью читал священную историю... [1. С. 135].

Даже одиночные глаголы со значением статики даны в таком контексте, который рисует активную деятельность, сравните:

Он шел твердо, бодро; жил по бюджету, стараясь тратить каждый день, как каждый рубль, с ежеминутным контролем издержанного времени, труда, сил, души и сердца [1. С. 142—143].

...печалью и радостями он управлял, как движением рук. Он распускал зонтик, пока шел дождь, и страдал, пока длилась скорбь. Наслаждался радостью. Простой, то есть прямой, настоящий взгляд на жизнь — вот что было его постоянной задачей [1. С.144].

У читателя возникает вопрос (или готов возникнуть): возможен ли такой правильный человек? Хорош он или плох? И.А. Гончаров не дает прямого ответа на этот вопрос, заставляя самого читателя прийти к определенному выводу:

Он горячо благодарил судьбу... а сам всегда шел упрямо по избранной дороге. Не видали, чтобы он задумывался над чем-нибудь болезненно и мучительно; не болел он душой; не терялся никогда в сложных, трудных или новых обстоятельствах [1. С. 144].

Определяющая черта характера Штольца осознается Ильей Ильичем.

— Ты — другое дело, Андрей, — возразил Обломов, — у тебя крылья есть: ты не живешь; ты летаешь; у тебя есть дарования, самолюбие, ты вон не толст, не одолевают ячмени, не чешется затылок; ты как-то иначе устроен.

Обратим внимание: *ты не живешь, ты летаешь, отсюда цепочка предикатов характеризующих: ты не толст, ты как-то иначе устроен.*

При характеристике Штольца И.А. Гончаровым используется и квалификативно-классификационный признак, например:

Штольц — ум, сила, умение управлять собой, другими, судьбой. (Куда не придет, с кем не сойдется — смотришь, уж овладел, играет как будто на инструменте) [1. С. 192].

Предикаты качества выражены прилагательными в краткой форме, поскольку «Прилагательное — часть речи, специализирующаяся на выражении непроцессуальных признаков. Центр категории прилагательного составляют производные обозначения непроцессуальных признаков... Морфологические категории прилагательных приспособлены для обозначения таких признаков (степени сравнения, краткая и полная формы) и обеспечения языкового выражения связи признака и носителя, в большинстве случаев обозначенного существительным, с которым грамматически связано прилагательное (согласовательные категории рода, числа и падежа)» [2. С. 81].

Примеры предикатов со значением качества представлены и в следующем фрагменте:

Он весь составлен из костей, мускулов и нервов. Он художав.

Штольц был глубоко счастлив своей наполненной волнующейся жизнью, в которой цвела неувядаемая весна, и ревниво, деятельно, зорко возделывал, берег и лелеял ее [1. С. 415].

По отношению к Штольцу И.А. Гончаров использует прилагательные со значением наблюдаемых неэмоциональных признаков (*художав*); информативные и эмоциональные признаки (*счастлив*). Оценка выражается опосредованно.

При характеристике образа Обломова на первый план выступают конструкции, рисующие пассивное состояние героя. Для этого используются глаголы **состояния**, или **статуальные**, которые признаками акциональности (активности и целенаправленности) не располагают, например:

Когда он был дома — а он почти всегда дома — он все лежал, и все постоянно в одной комнате, служившей ему спальней, кабинетом и приемной [1. С. 4].

Он задумчиво сидел в креслах, в своей лениво-красивой позе, не замечал, что вокруг него делалось, не слушая, что говорилось. Он с любовью рассматривал и гладил свои маленькие белые руки [1. С. 38].

Он, как встанет утром с постели, после чая ляжет тотчас на диван, подопрет голову рукой и обдумывает, не щадя сил, до тех пор, пока, наконец, голова утомится от тяжелой работы и когда совесть скажет: довольно сделано сегодня для общего блага [1. С. 64].

Статуальные глаголы усиливают авторскую характеристику Обломова: «*лежание у Ильи Ильича... было его нормальным состоянием*» [1. С. 4].

Глагол *лечь* в разных формах употребляется для подчеркивания несоответствия между замыслами сделать что-то для общего блага и истинным характером героя.

Естественно, что акциональные глаголы также используются для характеристики Обломова, но они употреблены в таком контексте, что ничего, кроме иронии, не вызывают:

У меня имение на руках, — со вздохом сказал Обломов. — Я соображаю новый план; разные улучшения вожу. Мучаюсь, мучаюсь... [1. С. 21].

Он повернул голову к столу, где все было гладко, и чернила засохли, и пера не видеть, и радовался, что лежит он, беззаботен, как новорожденный младенец, что не разбрасывается, не продает ничего [1. С. 38].

Он не заметил, что Захар подает ему совсем холодный обед, не заметил, как после того очутился в постели и заснул крепким, как камень, сном [1. С. 298].

Он не брился, не одевался, лениво перелистывал французские газеты [1. С. 298].

Илья Ильич не слушал его: он, подобрав ноги под себя, почти улегся в кресло, и, подгорюнившись, *погрузился не то в дремоту, не то в задумчивость* [1. С. 48].

Акциональные глаголы в приведенных примерах имеют отрицание «не».

Если Штольц *не живет, а летает*, по выражению Ильи Ильича, то для образа Обломова ключевыми являются слова *сон, спать, лежать, погружаться в дремоту, сидеть на постели*. Вот результат:

«Освободясь от деловых забот, Обломов любил уходить в себя и жить в созданном мире» [1. С. 57].

Но что это за мир?

Услышит о каком-нибудь замечательном произведении — у него явится позыв познакомиться с ним; просит книги, и, если принесут скоро, он примется за нее, у него начнет формироваться идея о предмете; еще шаг — и он овладел бы им, а помотришь, он уже лежит, глядя апатически в потолок, а книга лежит подле него недочитанная, непонятая. Он никогда не возвращался к покинутой книге [1. С. 53].

Итак, еще миг — и он овладел бы предметом, но уже *лежит*.

Даже Штольц так характеризует Обломова:

— И страница, на которой ты остановился, заплесневела. Ни газеты не видать...

Читаешь ли ты газеты?

— Точно ком теста свернулся и лежишь.

— Надо же выйти из этого сна.

Ты сбрось с себя прежде жир, тяжесть тела, тогда отлетит и сон души. Тебе, кажется, и жить-то лень? [1. С. 150].

Автор романа И.А. Гончаров также беспощаден к своему герою, передавая его мысли:

«Лежать бы теперь на траве, под деревом, да глядеть сквозь ветки на солнышко и считать, сколько птичек перебивает на ветках. А тут тебе на траву то обед, то завтрак принесет какая-нибудь краснощекая прислужница... Когда же настанет эта пора?» [1. С. 67].

Или:

«Ночью писать! — думал Обломов. Когда же спать-то? Да писать-то все, тратить мысль, душу свою на мелочи, менять убеждения, торговать умом, насиловать свою натуру, волноваться, кипеть, гореть, не знать покоя и все куда-то двигаться... И все писать, все писать, как колесо, как машина: пиши завтра, послезавтра, лето придет — а все пиши? Когда же остановиться и отдохнуть?» [1. С. 25].

Фрагмент изобилует инфинитивными предложениями со значением необходимости. Но именно необходимость *двигаться*, т.е. активно действовать, и претит нашему герою, который готов всю жизнь проворковать под крышей:

...ты нежен... голубь; ты прячешь голову под крыло — и ничего не хочешь больше, ты готов всю жизнь проворковать под кровлей [1. С. 329].

Сам герой, предаваясь размышлениям, приходит к следующему итогу:

— Кто же я? Что я такое? Да, я барин и делать ничего не умею! Я не приспособился к делу, я сделался просто барином.

В художественном тексте обыгрывается глагол *погаснуть* и его производные. Отсутствие огня приводит к тому, что Обломову все скучно, он погиб для жизни:

— *Ах, жизнь!* — сказал Обломов.

— *Что жизнь?* — спросил Штольц.

*В жизни моей никогда не загоралось никакого, ни спасительного, ни разрушительного огня... Нет, жизнь моя началась с погасания. Начал **гаснуть** я надписанием бумаг в канцелярии; **гаснул** потом, вычитывая в книгах истины, с которыми не знал, что делать в жизни, **гаснул** с приятелями, слушая толки, сплетни, злую и холодную болтовню; **гаснул** и **гасил силы**... даже самолюбие — на что оно тратилось? Куда оно ушло? Я забывал все это и **гаснул**... [1. С. 163].*

...нет покоя! Лег бы и заснул... навсегда...

— *То есть погасил бы огонь, и остался в темноте... Ты в самом деле умер, погиб!* — заключил Штольц [1 С. 350].

Штольц называет жизнь Обломова утопией. И в самом деле, чем не гоголевский Манилов, сравните:

Теперь его поглотила любимая мысль (...): он думал о маленькой колонии друзей, которые поселятся в деревеньках и фермах, в пятнадцати или двадцати верстах вокруг его деревни, как попеременно будут каждый день съезжаться друг к другу в гости, круглые, с двойными подбородками и неувядающим аппетитом; будет вечное лето, вечное веселье, сладкая еда да сладкая лень [1. С. 67].

Но пройдет какое-то время, и Обломова покинут даже эти мечты. Жизнь сведется к элементарным потребностям и состоянию скуки:

«Вот охота тащиться в жар!» — сказал он сам себе, зевнул и воротился, лег на диван и заснул. Проснулся — перед ним накрыт стол. Он пообедал, сел к окну. Скучно, нелепо, все один! Опять никуда и ничего не хочется!» [1. С. 201].

В тексте романа в качестве предиката качества употребляется местоимение **другой**. Именно это слово вызывает возмущение Ильи Ильича. Почему? Кто такой **другой** в его понимании? Вот рассуждения персонажа:

— *Я, по-твоему, «другой» — а?...*

— *Другой есть такой человек, который сам себе сапоги чистит, одевается сам, он не знает, что такое прислуга: послать некого — сам сбегает за чем нужно... работает, суетится, не поработает, так не поест. «Другой» кланяется, «другой» просит, унижается...*

— *Я «другой»... Да разве я мечусь, разве работаю? Мало ем что ли? Худоцав или жалок на вид? Подать, сделать — есть кому! Я ни разу не натянул на себя чулок на ноги... я воспитан нежно, что ни холода, ни голода никогда не терпел, нужды не знал, хлеба себе не зарабатывал и вообще черным делом не занимался... [1. С. 80].*

«Другой» — это человек действующий, для характеристики которого используются акциональные глаголы (*чистит, одевается, сбегает, работает, суетится*). А наш герой «черным делом не занимался».

Таким образом, в тексте романа отчетливо выражается противопоставление характеров двух персонажей — Обломова и Штольца, которое организуется разными типами семантических предикатов, прежде всего акциональными и стативными глаголами.

Актуализация именно этих элементов художественной структуры, которые могут оказать наибольшее воздействие на читателя, активизировать его интеллектуальные и эмоциональные реакции, и реализует прагматическую направленность текста, т.е. побуждает к ответной реакции читателя и оформляет прагматическую установку: «Прагматическая характеристика не существует сама по себе, а выводится из логико-смысловой организации текста, поскольку достижение практического эффекта в общении не может мыслиться иначе, как следствие его выраженной логико-смысловой направленности, т.е. такой смысловой ориентации, которая в итоге имеет установку на конкретное действие со стороны участников коммуникативного акта. При этом воздействие отправителя текста может выступать либо как непосредственное побуждение к действию, либо как скрытое воздействие для формирования определенного умственного состояния получателя текста. Но в каждом конкретном случае воздействие на получателя информации осуществляется при активизации различных сторон психологического восприятия текста получателем» [3. С. 29].

Прагматический аспект художественного текста предполагает не только отбор необходимых фактов, но и подачу их в определенном ракурсе с учетом характера языковых средств. Наблюдения над использованием такой семантической категории, как предикат, в тексте романа И.А. Гончарова «Обломов» подтверждают эту точку зрения.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Гончаров И.А.* Обломов. М., 1958.
- [2] *Золотова Г.А., Онипенко Н.К., Сидорова М.Ю.* Коммуникативная грамматика русского языка. М., 1998.
- [3] *Мецлер А.П.* Прагматика коммуникативных единиц. Кишинев: Штиинца, 1990.
- [4] *Степанов Ю.С.* Имена. Предикаты. Предложения. М.: Наука, 1981.

SEMANTIC PREDICATE IN THE STRUCTURE OF A LITERARY TEXT

L.G. Kulchitskaya

The Department of Russian Language Theory and Practice
Faculty of Russian and Slavonic Philology
Kyrgyz National University n.a. J. Balasagyna
Turusbekova str., 49/9, B ishkek, Kyrgyzstan, 720033

Analyzing the literary text — the novel “Obломov” by I. A. Goncharov the article treats the formation of such opposition as “active/passive subject features”. Pragmatic setting of any literary text is created with the help of different types of semantic predicates, expressed by actional and static verbs.

Key words: literary text, fiction character, subjective text modality, pragmatic setting, semantic subject, semantic predicate, actional and static verbs.

REFERENCES

- [1] *Goncharov I.A.* Oblomov. M., 1958.
- [2] *Zolotova G.A., Onipenko N.K., Sidorova M.Yu.* Kommunikativnaya grammatika russkogo yazyka. M., 1998.
- [3] *Metsler A.P.* Pragmatika kommunikativnykh yedinits. Kisynev: Shtiintsya, 1990.
- [4] *Stepanov Yu.S.* Imena. Predikaty. Predlozheniya. M.: Nauka, 1981.